

Эд Макбейн
Умри с этим
Серия «Курт Кеннон.
Рассказы», книга 3

OCR Сайт любителей приключений: <http://rraymond.narod.ru/>

<http://mysuli.aldebatan.ru>

Оригинал: EdMcBain, "Now die in it"

Содержание

Курт Кеннон (Эд Макбейн)

Умри с этим

Он будил меня, тормоша и окликая по имени, и я проснулся с занесенным кулаком, готовый разнести ему башку. Опять повторялся ночной кошмар, – сон, в котором полуобнаженная Тони в объятиях Паркера смеялась надо мной, сон, который всегда заканчивался одинаково – рукоять моего сорок восьмого вновь и вновь опускалась на отвратительную рожу Паркера, а на заднем плане все громче и громче визжала Тони. Только на этот раз во сне появился новый голос, который звал: «Курт! Курт Кеннон!»

Я резко вскочил с занесенным кулаком, но крепкая рука сжала мое запястье.

– Курт, ради Бога... Это я, Руди!

Я с усилием разлепил глаза и всмотрелся в полумрак комнаты.

Подо мной – кровать, на мне – одеяло, а на краю кровати – горилла. Гориллу звали Руди, и я смутно помнил ее как парня, который когда-то давно жил где-то в Бронксе.

Я провел руками по лицу, пытаюсь стереть сон, дотянулся до бутылки с вином, сделал долгий глоток и спросил:

– Какого черта, Руди?

– Парень, тебя найти труднее, чем иголку в стоге сена.

– Ты, должно быть, не там искал... – Мы находились в дешевой ночлежке в Бовери, и я не представлял, чтобы Руди был хорошо знаком с этим особым родом убежища. – Что там такое стряслось, Руди?

– Нам нужна твоя помощь, Курт. Моя жена велела мне нанять детектива.

– Так чего же ты не нанял? И ради этого ты меня разбудил?..

– Курт, я знаю одного только тебя. Я пришел, потому что знаю одного только тебя.

– Ты что, газет не читаешь, тупой ублюдок? – сказал я. – У меня больше нет лицензии. Копы отобрали ее, когда я избил парня, которого застал с моей женой. А теперь убирайся к чертям и...

– Это сестра моей жены, – продолжал он, не слушая меня, – я пришел потому, что она беременна.

– Поздравь ее, – сказал я.

– Ты не врубился, Курт. Ей семнадцать лет. Живет с нами с тех пор, как умер мой тесть. Она не замужем, Курт.

– Неужели? Христа ради, Руди, за каким чертом мне ввязываться в это?

– Моя жена хочет найти парня, который сделал это. Курт, она заколебала меня. Девочка ничего не рассказывает, а живот у нее надувается, как воздушный шар.

Моя жена хочет найти того, кто это учинил, и вправить ему мозги.

– Как ее зовут?

– Мою золовку?

– Да.

– Бетти.

– И она не пожелала назвать тебе имя этого парня?

– Нет, Курт. У нее удивительное чувство верности или чего-то в этом роде, я думаю. Моя жена следит за ней с тех пор, как обнаружила это, но никого не высмотрела.

– А почему ты думаешь, что я могу найти этого парня?

– Если кто и сможет, так это ты, Курт.

Я потряс головой:

– Руди, сделай одолжение, обратись в агентство, найми себе детектива с лицензией, который твердо стоит на ногах.

– Сказать по правде, Курт, это мне не по карману. У меня собственный ребенок и немало ртов, которые надо прокормить. Помоги, Курт.

– Нет! Я больше не работаю, черт возьми. Иди-ка домой, Руди. Забудь, что нашел меня. И покончим на этом.

– Я не для себя прошу, а ради жены, Курт. Это стало для нее катастрофой. Курт, я никогда прежде тебя ни о чем не просил, но это совсем другое дело. Поверь

мне, я бы не пришел...

– Ну ладно, ладно, – не выдержал я и, выругавшись, спустил ноги с кровати, нащупывая на полу свои туфли. Они были холодными, и я опять ругнулся. Наконец я надел их и спросил: – Ты все еще работаешь ночным вахтером?

– Да, – ответил Руди.

– Ты на машине?

– Да, Курт. – Он смотрел на меня с надеждой. – Ты сможешь мне?

– Да, да! Попробую. Я самый сумасшедший из ублюдков на всем белом свете, но я попробую помочь тебе. Идем, – сказал я.

Он припарковал машину у самого входа. Ехал он быстро, но пока мы добрались до Бронкса, успел рассказать обо всем поподробнее. Месяц назад его жена Маделайн обнаружила, что Бетти беременна. Девочка была уже на четвертом месяце, и Маделайн пришла в неистовство. И она, и Руди беседовали с девочкой, но не смогли ничего добиться. Они принялись исподволь расспрашивать соседей по кварталу, но поскольку хотели сохранить все в тайне, им приходилось быть очень осторожными – все их расспросы не принесли ничего. Они умоляли девочку избавиться от ребенка, но она отказалась. Тогда они стали просить ее рожать дома, где могли бы сразу же забрать ребенка, как только он родится, но и здесь вышла осечка. Ко всему, Бет-

ти по-прежнему отказывалась назвать имя парня.

– Странно, не так ли? – спросил я Руди.

– Конечно, – согласился он. – Но ты знаешь, каковы они, эти подростки. Упрямы, как черти.

– Она хорошенькая?

– Красавица, – сказал Руди. – Голубые глаза, черные волосы. Выглядит точь-в-точь как моя жена в ее возрасте. Ты когда-нибудь встречал Маделайн, Курт?

– Нет.

– Ну, она сильно изменилась с тех пор, как мы поженились. Но девочка – копия той, какой она была в то время. Ты увидишь.

– Много у нее друзей среди парней?

– Обыкновенно. В основном – соседские ребята.

– Ты говорил с кем-нибудь из них?

– Кое с кем. Я не мог объяснить, что хочу узнать, и оттого...

– С какой компанией она водилась? Распутники?

– Я вправду не знаю, Курт. Она не рассказывала об этом.

– Х-м-м...

– Как думаешь, найдешь ты парня?

– Ты дал мне чертовски мало для начала.

– Все, что знаю, Курт. Может быть, Маделайн расскажет побольше. Она разговаривала с ней больше, чем я.

– Посмотрим, – буркнул я.

Он поставил машину перед жилым домом в Восточном Бронксе. Несколько женщин сидели на стульях перед домом и, когда Руди вышел из машины, они закивали ему. Когда появился я, они оценивающе осмотрели меня, а затем вновь погрузились в болтовню.

Мы поднялись на четвертый этаж, и Руди постучал в дверь, окрашенную в коричневый цвет. Дверь широко открылась:

– Ты почему так долго? – услышал я женский голос. Голос принадлежал женщине лет двадцати восьми, на несколько лет моложе, чем Руди и я. Ее черные волосы, перевязанные белой лентой, падали сзади на шею. Ее глаза были усталыми, очень усталыми.

– Милая, – сказал Руди. – Я сделал все так быстро, как мог.

– Ты не сделал это достаточно быстро, – произнесла Маделайн. – Бетти мертва.

Я стоял позади Руди и поэтому не мог видеть его лица. Он отступил назад на несколько шагов, однако я мог представить, что творится у него на лице.

– М-м-мертва? – пробормотал он. – Бетти? Мертва?

В прихожей наступила такая тишина, что, казалось, слышно было биение сердца, затем я прошел следом за ним в комнату. Мебель была старой, но в доме было уютно и чисто.

Руди закрыл лицо руками. Маделайн сидела в кресле напротив него, на ее лице не было слез.

– Самоубийство? – спросил я ее.

– Нет, – ответила она. – Минут десять назад позвонили из полиции. Они нашли ее в Йонкерсе. Они сказали, что она... она была задушена.

Руди внезапно поднял голову:

– Маделайн, это Курт Кеннон. Курт, это моя жена.

Она пробормотала приветствие. Я кивнул, и в комнате воцарилась тишина. Маделайн долго смотрела на меня и затем сказала:

– Я все еще хочу, чтобы вы нашли его, мистер Кеннон.

– Ну, полиция, возможно...

– Я хочу, чтобы вы нашли его. Я хочу, чтобы вы нашли его и сделали из него котлету, а затем вы можете отдать его в полицию. Я заплачу вам, мистер Кеннон. – Она поднялась и прошла на кухню. Я слышал, как она передвигает что-то в кухонном шкафу. Затем она вернулась обратно с пачкой банкнот. – Мы копили их на новую машину, – сказала она. – Я отдам это вам. Все. Только найдите того, кто совершил это с Бетти. Только найдите его и искалечьте, если сможете. Найдите его, мистер Кеннон. – Она замолкла и протянула деньги: – Возьмите.

– Оставьте их при себе, – сказал я. – Я попробую найти его, но если найду, он отправится прямо в полицию.

У нее задрожала нижняя губа, и из глаз потекли сле-

зы, слезы, которые она так долго сдерживала. Я вышел в прихожую с Руди и шепотом спросил:

– Где она обычно бывала? Кого из здешних ребят ты расспрашивал?

– Здесь, на Бурк-авеню есть кафе-мороженое, там в основном собираются ребята из соседних дворов. Кафе называется «Росинка». Ты, наверное, представляешь, как оно выглядит. Мне кажется, она чаще всего бывала там.

– Хулиганье...

– Нет, не думаю. Постой, я дам тебе адрес. – Он вынул из бумажника листок бумаги. На нем шариковой ручкой был нацарапан номер и название улицы. Я прочитал адрес и смотрел на листок до тех пор, пока не запомнил его. Руди положил его обратно в бумажник. – Они выглядят хорошими ребятами.

– Да, – поддержал я его. – Чтобы задушить девушку, надо быть хорошим парнем.

– Дай мне знать, как пойдет расследование, Курт.

– Хорошо, Руди. А теперь тебе лучше вернуться к жене.

Я принялся искать место, о котором узнал от Руди. Это оказалась маленькая, узкая лавчонка, расположенная между двумя зданиями. В этом пространстве уместнее выглядела бы мастерская портного, занятого шитьем кулис, чем кафе-мороженое.

Но здесь располагалось именно кафе-мороженое. И

это не вызывало сомнений. Слово «Росинка» было на-
малевано на стекле витрины, к тому же рука художни-
ка-любителя изобразила ложку, с которой скатывался
гигантский шарик мороженого.

Я открыл дверь, звякнул колокольчик, но его звук за-
глушил работающий музыкальный ящик. Я почувство-
вал, как мне хочется выпить. Правую часть кафе зани-
мал прилавок со стульями. Слева – четыре кабинки,
выкрашенные в красный, голубой, желтый и зеленый
цвета. За прилавком стоял человек с усиками. Два под-
ростка, притоптывая в такт музыке, сидели в дальней
от двери кабинке. Я подошел к стойке и спросил:

– Вы хозяин?

Парень с усиками пересыпал орешки из банок в пе-
стро раскрашенные пакетики.

– Да, – ответил он. – А в чем дело?

– Я пытаюсь узнать хоть что-нибудь о девушке по
имени Бетти.

– Бетти, а дальше как?

Я порылся в памяти, вспоминая фамилию, которую
Руди сообщил мне по дороге в Бронкс:

– Бетти Ричардс. Знаете ее?

– У меня тут много подростков ошивается, – про-
изнес мужчина за прилавком, стараясь не просыпать
орешки. – Спросите тех парнишек в кабинке, они знают
лучше меня.

– Спасибо, – сказал я и направился к нужной кабин-

ке.

Ребята не смотрели в мою сторону. Они продолжали, слушая музыку, притоптывать. Наконец один из них поднял голову. Ему было около восемнадцати. У него был самоуверенный юношеский взгляд, взгляд человека, знающего все об этом мире. Он повернулся к своему приятелю:

– Ты можешь выдать ему дайм?[Дайм – монета в десять центов.] – спросил он.

Его приятель на мгновение перестал притоптывать и посмотрел на меня:

– Нет, сегодня я не подаю, Мак, – ответил он. – Проваливай...

– Я друг Бетти, – сказал я.

– Какой Бетти?

– Ричардс.

– Ну и что? – спросил первый парнишка.

– Что насчет Бетти? – произнес второй.

– Это как раз то, что я хотел спросить.

– Я не знаю ее, – сказал первый парнишка.

А второй встал, подошел к музыкальному автомату, поставил другую пластинку и вернулся в кабинку. Обращаясь к своему другу, он сказал, словно бы еще не разговаривал со мной:

– Кто это, Боб?

– Он ищет Бетти Ричардс, – ответил Боб.

– Да-а-а? – Он изучающе оглядел меня, прикидывая,

а не вышвырнуть ли меня из кафе.

Я был почти уверен, что он попытается сделать это.

– Не то чтобы я искал ее. Мне нужно кое-что узнать о ней.

– Да-а-а? А что именно?

– Как тебя зовут, малый?

– А кто спрашивает-то?

– Я спрашиваю. Курт Кеннон.

– Да-а-а?

– Да.

Минуты две мы провели, состязаясь в гляделки, и за это время парень принял наконец решение:

– Джек, – сказал он. – Ну так как? Поговорим о Бетти?

– Я ей не брат, – отозвался тот.

– Поговорим о ней, да? А что вы хотите узнать?

– С кем у нее бывали свидания, – пояснил я. – В какое время она приходила сюда, с кем встречалась, когда бывала здесь. И все прочее в этом роде...

– А зачем вам это надо?

Я уже начал уставать от игры в кошки-мышки и поэтому сказал:

– Потому что кто-то совсем недавно задушил ее. Она мертва.

Боб прекратил притоптывать. Джек установился на меня.

– Да? – сказал он.

– Да.
– Мы ничего не знаем об этом, – сказал он.
– Никто и не говорит, что вы знаете. Расскажите мне о Бетти.

– Она приходила сюда, но никогда не оставалась надолго. Она входила, выпивала колу и уходила.

– Ты уверен, Джек?

– Я не вру, не так ли, Боб?

– Это правда, мистер, – кивнул другой парнишка. – Она только приходила и уходила. И все.

– Ей назначали свидание кто-нибудь из тех ребят, что бывает здесь?

– Нет, у большинства из них уже давно есть свои девушки. Им ни к чему лишние хлопоты.

– Она приходила сюда с кем-либо?

– Вы имеете в виду с парнем?

– Да.

Джек задумался на мгновение:

– Нет, никогда. Она приходила, тусовалась здесь немного и уходила. Именно так, как я сказал вам.

– Она когда-нибудь говорила, что ей надо встретиться с кем-нибудь после того, как она уйдет отсюда?

– Нет. Мне не говорила ни разу. Да она никогда не сказала бы что-нибудь вроде этого парню. Может, она говорила кому-нибудь из девочек, не знаю.

– Она дружила с кем-то из девочек, что приходят сюда?

– Думаю, нет, – ответил Джек. – Она была, как одинокий волк.

– А как насчет Донны? – вставил Боб.

– Ах, да! Донна, – спохватился Джек.

– Кто такая Донна?

– Официантка, которая работает тут по вечерам. Крутая девушка. Она самая взрослая из всех. Крутая девушка. Не так ли, Боб?

– Да, – ответил Боб, – высшая!

– Сколько ей?

– Двадцать три – двадцать четыре. Что-то вроде этого. Как думаешь, Боб?

– Вроде того, – согласился тот.

– Кажется, она дружила с Бетти, – добавил Джек.

– Где я могу найти ее?

– Мне нравится Донна, – сказал Джек. – Вы можете найти ее сами. Я ничего не знаю.

– Послушай...

– Она хорошая девушка. Я не хочу доставлять ей неприятности.

– Где мне найти ее?

– Это ваше дело.

– Сынок, – сказал я. – Может быть, ты не понял? Бетти убита. Умерщвлена. А найти ее убийцу гораздо важнее, чем защитить бедную белую невинную Донну.

– Не так уж она и бедна, – сказал Боб.

– Да и не так невинна тоже, – добавил Джек.

– Она крутая, – сказал Боб.
– Высшая, – сказал Джек.
– И она дружила с Бетти?
– Верно. Они разговаривали всякий раз, как Бетти приходила.

– О чем?
– Не знаю, – сказал Джек.
– Донна знает, – подсказал я ему. – Какой у нее адрес?

Мы провели еще одно короткое состязание в гляделки. Я опять выиграл. Джек вздохнул.

– Хорошо; хорошо. Она живет прямо за углом. – Он вынул из кармана карандаш и вытянул салфетку из стаканчика на столе. – Донна Крэйн, – сказал он, записывая на салфетке адрес и добавил, – это желтый жилой дом на углу. Номер тридцать. Вы не пропустите его.

– Спасибо, – сказал я.
– Там есть за что подержаться, – сказал Боб. – Она крутая.

– Слышал.
– Высшая...

На этом я покинул их.

На карточке под кнопкой звонка было написано: «Донна Крэйн». Я нажал кнопку и подошел к двери вестибюля. Ничего не произошло. Я нажал снова, подождал несколько минут и затем нажал сразу две кнопки

наобум, надеясь, что кто-то из соседей окажется дома. Дверь отворилась, и я начал подниматься на третий этаж. Это был довольно приличный жилой дом среднего класса. Без коридорных запахов и разбитых светильников. Чистые полы, и даже окна на каждом этаже вымыты. Найдя нужную дверь, я повернул старинный дверной звонок. Он тихо брякнул. Подождав безрезультатно минуты три, я повернул его снова.

– Трясите его, но не ломайте, – произнес девичий голос.

За дверью послышались шаги. Я провел рукой по волосам в тщетной попытке придать своей внешности более презентабельный вид. Дверь широко распахнулась. На меня с любопытством смотрела девушка.

– Боже! – воскликнула она. – Вы запомнили его номер?

– Чей номер? – спросил я.

– Парня, который сбил вас?

– Очень забавно, – сказал я. – Вы Донна Крэйн?

– Она самая. Если вы продаете что-нибудь, не мешало бы сначала побриться.

– Вы знаете Бетти Ричардс? – спросил я.

– Точно. – Глаза ее сузились, и она добавила: – Эй, а вы случаем... Нет, не может быть.

– О ком вы?

– Неважно. Вы войдете? А то соседи будут судачить.

Она была белокурой, такой же белокурой, как и То-

ни. Она была одета в зеленый свитер, плотно облегавший ее, и в черные шорты, достаточно короткие, чтобы выставить напоказ изящную округлость ее бедер...

– Так вы войдете, приятель, или нет?

Я шагнул в квартиру, и она затворила за мной дверь. Шторы на окнах все еще были опущены, и в комнате царили полутьма и прохлада. Я ощутил запах кофе, доносившийся из кухни, и она провела меня в комнату, села напротив, скрестив под собой с привычной легкостью длинные стройные ноги. Одним локтем она оперлась на софу, склонила голову и спросила:

– Ну так что насчет Бетти?

– Прямо так, сразу? Даже и не спросив, кто я такой или что-нибудь в этом роде?

– Я знаю, кто вы.

– О!

– Точно. Я читала газеты. Я видела фотографию. Уберите бороду и мешки под глазами от пьянства, и прибавьте Кеннона к Курту...

Я не ответил, так что она добавила:

– Я права, не так ли?

– Вы правы, – ответил я устало.

– Я думала, что они упекли вас в тюрьму или что-нибудь в этом роде.

– Они сняли обвинение.

– Да, это так, – сказала она, кивнув. – Я теперь вспомнила. А бэби отправилась в Мексику, не так ли?

– Заткнись!

Ее глаза распахнулись:

– А вы знаете, что до сих пор не охладели к ней, приятель?

– Я сказал, заткнись!

Она выпрямилась, и ее груди выпятились вперед под тонким свитерком:

– Сынок, если тебе не нравятся такие разговоры, ты ведь знаешь, как выйти отсюда, не правда ли?

Я встал и начал:

– Послушайте!..

Но остановить ее уже не мог.

– Никто не говорил тебе, что ты женился на потаскухе. Ты выбрал дрянь, и ты...

Я размахнулся и залепил ей пощечину. Голова ее дернулась, она упала на кушетку.

– Убирайся отсюда к чертям! – сказала она, прищурив глаза.

– Сначала я задам тебе несколько вопросов.

– Ты не имеешь права задавать вопросы. Копы отобрали у тебя лицензию, дружок.

– О чем вы говорили с Бетти?

Она бросилась к телефону. Я схватил ее за плечи, развернул, и она оказалась со мной лицом к лицу. Донна чуть откинула голову, чтобы плюнуть, но я успел зажать ей рот рукой. Она извернулась и вцепилась зубами мне в руку. Я оттолкнул ее, но она кинулась на меня

снова, как дикая кошка. Однако в этот момент я уловил в ее глазах выражение не только злости, но и кое-чего еще...

Я снова сгрел ее за плечи и притянул к себе, мои губы оказались против ее губ. Она боролась еще миг и затем обмякла. Я поднял ее и понес к софе, чувствуя ее дыхание на моей шее, руки ее скользили по моей спине. Сначала я еще ощущал запах кофе из кухни, а затем остался только аромат ее волос и тела, глубокое дыхание и полутьма.

* * *

Облокотившись на диванные подушки, она полулежала, как воспитанная кошечка, с зажженной сигаретой в руке.

– Тебе надо побриться, – сказала Донна.

– Знаю. – Я зажег сигарету, выпустил струю дыма и спросил. – Теперь мы можем поговорить?

– Надо ли?

– Надо.

– Ну говори, Курт.

– О чем вы беседовали с Бетти?

– К чему это?

– К тому, что она мертва. К тому, что кто-то был настолько безжалостен, что задушил ее.

– О! – воскликнула она. И все. Только короткое «о!», но лицо ее покрылось сероватой бледностью, и дыхание стало более глубоким.

– Ты разговаривала с Бетти.

– Иной раз...

– О чем?

– Мертва, – повторила она, словно пробовала это слово на вкус, – мертва. Запутавшийся, но милый ребенок.

– Запутавшийся в чем?

– А в чем запутывается большинство семнадцатилетних девочек. Любовь. Секс. – Она пожалала плечами. – Как у всех.

– Не как у всех. Она запуталась...

– Этот парень...

– Что за парень, – быстро спросил я.

– Парень, с которым она встречалась. Она садилась и говорила только о нем, когда приходила в кафе.

– Как его имя?

– Фредди. Так она называла его. Фредди.

– Фредди? А дальше?

– Она никогда не называла его фамилию. Только имя.

– Ну хорошо, а что она говорила о нем?

– Как обычно. Ты знаешь.

– Не знаю.

– Иной раз ты сильно раздражаешь...

– Конечно, – сказал я. – Расскажи, что она говорила о нем.

– По каким-то причинам Бетти не хотела, чтобы в семье что-нибудь знали. Они встречались украдкой. Она приходила в «Росинку», как слепая, некоторое время оставалась там, а затем уходила. Обычно она встречалась с ним часов в десять или около того.

– Она говорила, почему?

– Разумеется, нет. Но она всегда выходила из кафе в это время. Мне кажется...

– Куда она шла?

– Я никогда не выходила вместе с ней.

– Не говорила ли она тебе, как впервые увидела этого парня, где, когда?

– Нет.

– Упомянула ли она о его возрасте?

– Нет.

– Где он живет...

– Нет.

Я потер лицо руками:

– Это мало что дает. – Затем я выпрямился и спросил: – Есть что-нибудь выпить, кроме сбежавшего кофе?

– Кофе! О Боже! – Донна опустила ноги с кушетки и бегом бросилась в кухню. И я увидел, что под свитером у нее ничего нет. И пока она бежала к кухне, чтобы выключить газ, я мог беспрепятственно наблюдать за

гибкими движениями ее тела.

– Пиво пойдет? – спросила она.

– Прекрасно.

– Это, конечно, не высший сорт, дружок... – Я услышал, как она открыла холодильник и поставила бутылку на стол. Потом до меня донеслись другие звуки из кухни и наконец шипение пива, когда она откупорила крышку. В комнату она вошла с бутылкой пива в одной руке, на другой она держала поднос с кофе. – Если тебе нужен стакан, – сказала она, протягивая мне бутылку, – возьми его сам, у меня, к сожалению, не три руки.

– И так сойдет.

Она снова свернулась на кушетке, а я сделал долгий глоток. Донна, осторожно потягивая кофе, наблюдала за мной через чашку.

– Бетти когда-нибудь описывала, как выглядит этот парень? – спросил я, облизнул губы от пены и поставил бутылку на колени.

– Никогда. Мне вообще-то показалось, что он какой-то простак.

– Почему ты так решила?

– Вопросы, которые она задавала. Опытный тип, знающий, как обращаться с женщинами, не оставил бы подобные вопросы в ее головке без ответа.

– Что это за вопросы?

– Ну, всякие интимные вещи...

– Какие именно? Милочка, я не дантист, открой ротик

пошире.

– Не говори со мной таким тоном, сыщик чертов! – От злости она сделала слишком большой глоток, обожглась и бросила на меня гневный взгляд. – Она спрашивала меня, как... ну, в общем, ты знаешь. – Донна замолкла, но не дождавшись от меня подсказки, повторила. – Ты знаешь.

– Короче, – сказал я, – ты считаешь, что она была слишком невинной в этих вопросах?

– Невинной? Дружок, да она в этих вопросах, как тот самый скрипач из анекдота, не знала, чем отличается низкая струна от высокой.

– Тем не менее кто-то чертовски крепко взял ее в оборот.

– Что ты имеешь в виду?

– Она была беременна, когда ее убили.

– О! – Донна замотала головой. – Ты думаешь, это Фредди?

– Возможно.

Донна поставила чашку с кофе и сказала:

– Желаю тебе удачи. Если это сделал он, надеюсь, ты схватишь его.

Я вышел в прихожую, взялся за дверную ручку. Она дотронулась до моей щеки:

– Ты когда-нибудь бреешься?

– Иногда. А что?

Она пожала плечами, и груди ее дрогнули, затем

мягкие губы оказались рядом с моими. Я обнял ее, и она тесно прижалась ко мне, но тотчас отскочила:

– Побрейся. И возвращайся.

Я открыл дверь, шагнул в ярко освещенный холл, бросив через плечо:

– Может быть, Донна. Может быть, я именно так и сделаю.

Фредди... Только имя. Один из тысячи Фредди, живущих в городе, из миллиона, живущих в мире. Собрать их всех вместе и затем выбрать нужного.

* * *

На улицах толпились люди, соблазненные весной. Они глубоко вдыхали ее ароматы, флиртовали с ней, обращались с ней, как с любовницей, как с проказницей, которая в летнюю жару сразу состарится и умрет с первыми порывами холодного осеннего ветра.

Легкой походкой расходились после занятий старшеклассницы, девушки, у которых вся жизнь была впереди. Мужчины, стоящие возле кондитерских и закусок, болтали о боксерских матчах или наступавшем бейсбольном сезоне и посматривали на ножки, обтянутые шелковыми чулками, им бы, конечно, хотелось, чтобы ветер подул сильнее.

Кто-то шел на работу, разносил почту или мыл окна,

или приводил в порядок автомобиль – и все глубоко вытягивали теплый воздух в легкие. Наконец-то весна.

И один из них был Фредди.

Я шел вдоль Бурк-авеню, удивляясь, как много времени прошло с тех пор, как я ел горячие сосиски, с тех пор, как я ходил на бейсбольные матчи. Много. Очень, очень много. И как давно мне было семнадцать. Сколько лет назад, сколько столетий?

Что такое семнадцатилетняя девушка? Уже не девочка, еще не женщина... Почему семнадцатилетняя скрывает своего любимого? Любовь в семнадцать лет – это волшебная страна томных мелодий на пластинках, прогулок у воды, нежных поцелуев и молчаливых рукопожатий. Это не то, что надо прятать.

Но Бетти Ричардс скрывала свою любовь, и ее любовь скрывалась под именем Фредди, и Нью-Йорк слишком огромный город.

Мне надо было выпить, потому что я ничего уже не соображал. Я готов был идти к Руди и сказать: «Приятель, я проиграл. Я и остальные восемь миллионов больны весенней лихорадкой, только на мне это называется больше, чем на других, потому что я до сих пор все еще люблю суку, которая погубила меня, как это поется в песне, Руди. Так что давай оставим все это и забудем, и пусть копы займутся своей работой. Хорошо, Руди? Хорошо, приятель?»

Но сможет ли коп понять девочку с ее первой любо-

вью?.. И сможет ли коп проучить...

Я выругал себя самого, выпил и начал все с самого начала, а началом была «Росинка».

На этот раз я не стал входить внутрь.

Я остановился в дверях и прикинул... Бетти Ричарде выходила из этого кафе много раз. Десять часов, ее ждет Фредди. Где? Я пошел по улице.

Автомобиль? Садилась ли она в машину? Может быть. Но не здесь. Если Бетти затевала все это, чтобы сохранить все в тайне, он определенно не стал бы сажать ее в автомобиль возле кафе. На глазах у любопытствующих подростков. А что если несколькими кварталами поодаль? Но даже и там это было рискованно. А несколькими милями дальше? А дюжиной миль? Почему бы и нет. Но где?

Я свернул налево и пошел по направлению к Бурк-авеню. Вдоль улицы выстроились частные дома. На ступеньках одного из них стояла женщина в домашнем платье. Она проследила, как я прошел мимо, и что-то невнятное пробормотала насчет соседей. Добравшись до Бурк-авеню, я посмотрел направо, затем налево. Слева от меня, на фоне неба, как неизвестный монстр, дыбилась надземная железная дорога. Я повернул и направился в ту сторону, прошел мимо чисто вымытого магазинчика, кондитерской, булочной, остановился у газетного киоска на углу и заметил стоянку машин. Это была стоянка для трех машин, как раз за

киоском, неподалеку от подземки.

Такси стояло у обочины. Водитель сидел за рулем, читал комиксы и ковырял в зубах спичкой. Я сунул голову в машину.

– Приветствую вас, мистер, – сказал водитель – Куда держим путь? – Он несколько внимательнее взглянул на меня. – Надеюсь, вы можете позволить себе прокатиться, приятель...

– Я не ездок, – ответил я.

– А я не играю в азартные игры с незнакомыми пьянчужками, – сказал он, – поэтому убирайся.

– Я не похож на игрока, не так ли? – вежливо отозвался я.

– Ну и что из этого, тебе нечем заняться?

– Это твоя обычная стоянка?

– Конечно.

– И тебе приходилось оказываться здесь часов в десять?

– Сколько угодно, а что?

– Не случилось ли тебе подвозить девушку: голубые глаза, темные волосы. Очень хорошенькую девушку лет семнадцати.

– Да разве их всех упомнишь? Я подвозил столько хорошеньких...

– Если эта брала такси, то регулярно. Или, может, она поднималась к надземке? Вспомни, не видел ли ты ее? – Все мои предположения были связаны с тем, что

говорила Донна Крэйн. Свидания Бетти происходили, как правило, в одном и том же месте в одно и то же время.

– Зачем тебе нужно это знать, приятель? – спросил таксист.

– Нужно.

– Уходи-ка ты побыстрее, пока я не позвал полицейского.

– Послушай, – сказал я. – Эта девушка убита. Ее сестра наняла меня, чтобы...

– О Господи! – воскликнул он, на секунду прикрыл глаза и сглотнул, словно в горле у него застрял какой-то комок.

– Вы помните ее?

– Голубые глаза, – повторил он, – черные волосы...

Семнадцать...

– Да. И если она брала такси, то, как правило, около десяти. Ты когда-нибудь подвозил ее?

– Нет. – Таксист покачал головой. – Я бы запомнил. Попробуй порасспросить других водителей. Время от времени они подъезжают сюда, если оказываются поблизости. Может быть, они что-нибудь помнят.

– Спасибо, – сказал я.

Пока что это было единственное такси на стоянке. Я поднялся на станцию надземки и поговорил с кассиром. Он тоже не помнил Бетти Ричардс. Я вздохнул, спустился на улицу и направился к дому Руди.

Его дом находился недалеко от Бурк-авеню. Поднявшись на четвертый этаж, я постучал в выкрашенную коричневой краской дверь и подождал.

Открыл мне Руди.

– Курт, заходи, заходи!

Я прошел в квартиру и оглянулся в поисках Маделайн, надеясь, что она отошла от первого потрясения, вызванного смертью сестры. Руди заметил мой взгляд и сказал:

– Она в спальне. Она очень тяжело переживает все это...

– Ты знаешь кого-нибудь из парней по имени Фредди?

– Как?

– Фредди.

– Нет, – сказал он медленно. – Думаю, что нет. А как его фамилия?

– Я знаю только имя.

– Это след, Курт? Я хочу сказать, ты думаешь, что этот Фредди и есть...

– Может быть. Как считаешь, Маделайн знает его?

– Не думаю, Курт. – Тут он поспешно взглянул на свои часы. – Послушай, мне надо бежать. Дневной вахтер заканчивает в пять. Я заступаю после него и буду занят до часу ночи.

Я посмотрел на часы на кухонной стене. Было около половины пятого.

– Проводи меня к Маделайн, прежде чем ты уйдешь.
– Конечно, подожди минутку. – Он прошел в спальню, и сквозь прикрытую дверь я услышал их приглушенные голоса.

В комнате было тихо. Звуки с улицы точно взбирались по кирпичной облицовке здания и проскальзывали в открытые окна. Ветерок медленно раздувал занавески. Они бессильно опадали и снова надувались. Дверь спальни комнаты открылась, и Маделайн вышла вместе с Руди, обнимавшим ее за плечи. Ее глаза были красными, а нос распухшим от слез.

– Я убегаю, – сказал Руди опять. – Увидимся, Курт.
– Конечно, – ответил я.

Он поцеловал Маделайн в щеку и вышел. Она подошла к окну и остановилась, неподвижно глядя вниз, на улицу.

– Вы знаете парня по имени Фредди? – спросил я.

Она очень долго не отвечала:

– Что? Простите, я...

– Фредди. Знаете ли вы кого-нибудь по имени Фредди. Был ли у Бетти друг с таким именем? Хоть кто-нибудь.

– Нет. – Маделайн печально покачала головой. – Я не знаю никого с таким именем. А почему вы спрашиваете?

– Да так. – Я пожал плечами. – Есть у вас фотография Бетти?

– Да, где-то есть фото.

– Может быть, дадите его мне?

– Хорошо, – сказала она тускло.

Она опять вышла из комнаты, и я услышал, как пружины кровати заскрипели, когда она села и принялась рыться в шкафу в спальне. Затем я услышал тихие всхлипывания и прерывистое дыхание. Я ждал. Часы на кухонной стене разбрасывали минуты по комнате. Наконец она вышла, вытерла глаза и протянула мне маленькую карточку.

Руди был прав. Его золовка была очень красивой девочкой с чистым, наивным взглядом.

– Я верну ее вам, – пообещал я.

Маделайн кивнула, опять подошла к окну и прижалась лбом к стеклу.

Она все еще продолжала смотреть вниз, на улицу, когда я вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Коп ждал меня неподалеку от входной двери. Я увидел его и начал было обходить, но он опять встал, загородивая дорогу. Тогда я поднял голову и наши глаза встретились. То, что я увидел, мне не понравилось.

– Извините, – сказал я и опять попытался обойти его.

Коп крепко ухватил меня за плечо.

– Секундочку, – сказал он.

Я остановился и внимательнее разглядел его. Это был здоровый парень с тонким носом и приятными голубыми глазами. Он улыбался, и улыбка эта не сулила

мне ничего хорошего.

– Какие-нибудь неприятности, офицер?

– Никаких неприятностей, – ответил он. – Вы Курт Кеннон?

Я нахмурился.

– Да, а что?

– Не пойдете ли со мной, – вежливо попросил он.

Но я продолжал стоять неподвижно и смотреть на него:

– Зачем? Что вам нужно от меня?

– К нам поступила жалоба на тебя, Кеннон.

– Что за жалоба?

– Тебе все объяснят.

– Может быть, вы объясните?

– Боясь, что нет, – ответил полицейский.

– Хватит пугать меня своим значком. Я достаточно встречал копов в своей жизни...

Он сгрел меня и вывернул руку. Я поморщился от боли, и коп предложил:

– Давай без осложнений, Кеннон. Это приятный тихий район.

– Конечно, – согласился я, – Только ради всех святых, отпусти руку.

Он перестал выворачивать мою руку, но по-прежнему крепко сжимал запястье, подталкивая к машине, которую я до этого не заметил.

– Забирайся, – сказал он, придерживая дверцу.

Я сел, он следом за мной, так что я оказался между ним и водителем, – и захлопнул за собой дверцу.

– Все в порядке, Сэм.

Полицейский, сидевший за рулем, включил зажигание, и мы двинулись вперед, пока не добрались до серого каменного здания с зелеными огоньками на каждой двери. Снова полицейский подержал дверь открытой для меня, а потом водитель встал на тротуаре, взявшись за рукоять своего специального тридцать восьмого, пока мы поднимались по ступенькам в участок.

Первый коп подвел меня к бюро пропусков и сказал:

– Я доставил Кеннона, Эд. Можно пройти к лейтенанту?

– Проходите, он ждет тебя.

Первый коп втолкнул меня в коридор участка, довел до нужной двери, открыл ее, указал большим пальцем и еще раз толкнул, чтобы я не сомневался в правильности указанного направления.

Сидевший за столом человек в штатском поднялся, когда мы вошли. Он кивнул копу и сказал:

– Все в порядке, Джим...

Джим, словно он был новичком-ефрейтором, получившим нашивку, откозырял и оставил меня один на один с мужчиной в штатском. На табличке можно было прочесть, кто он: «Следователь – лейтенант Генни-сон».

– Что все это означает, лейтенант? – спросил я.
Геннисон был лысый человечек маленького роста, с усталыми глазами. Его рот тоже источал усталость по каплям, которые таяли на подбородке. Он скорее напоминал музейный персонаж, чем лейтенанта полиции. Я пытался вспомнить кого из деятелей Конгресса с такой фамилией я знал.

– Вы Курт Кеннон, не так ли?

– Да.

– Мы получили жалобу, Кеннон.

– Я слушаю.

Его брови дрогнули, и коричневые глаза скользнули по моему лицу.

– Поменьше самоуверенности, Кеннон. У нас руки чешутся, чтобы посадить тебя за решетку.

– За что?!

– Ты ведешь расследование, не имея лицензии.

– В каком дурном сне вам это приснилось?

– Мы получили жалобу.

– От кого?

– Телефонный звонок. Нам позвонили, – он заглянул в бумажку на столе, – без пятнадцати пять.

– Откуда?

– Аноним. Объясни, что это за расследование, чем ты занимался.

– Бред сивой кобылы. Занимался тем, что пил виски. Кто будет нанимать меня?

– Этот самый вопрос я и хотел задать.

– Ответ я уже дал. Можно идти?

– Подожди секунду. Не так быстро. – Он несколько расслабился, сел и предложил мне сигарету.

Я взял, он поднес зажигалку и улыбнулся:

– Что ты делал, Кеннон?

– Проводил зиму во Флориде, разве не видно по мне?

Тень раздражения прошла по его лицу, но он улыбнулся, хихикнув при этом:

– Расскажи правду, Кеннон. Эта скотина приходила к ней...

Я не произнес ни слова, продолжая наблюдать за выражением его лица.

– Точно, – продолжал он. – Ты мог бы вклеить ему и побольше. Как ты оттащил его, Кеннон?

– О чем ты?

– Как все случилось? Газеты утверждали, что ты зашел в спальню, когда они занимались любовью с твоей женой. Это правда? Что за скотина! – Его глаза широко распахнулись. – Он действительно был в женской сорочке? Так ли...

Я перегнулся через стол, сгреб его за лацканы костюма обеими руками:

– Заткнись! – Лицо мое напряглось. Я был готов разорвать эту порочную куницу на мелкие кусочки.

К нему опять вернулись замашки полицейского:

– Послушай, Кеннон...

– Заткнись! – Я швырнул его, и он упал в кресло, кресло опрокинулось, и он упал на пол, заморгал, все грязные мыслишки отразились у него на лице, обнаруживая чувства маленького человечка, приобщившегося к большой работе. Он вскочил на колени и попытался открыть выдвижной ящик стола. Но он тотчас отдернул руку, когда я шагнул за стол и пинком задвинул ящик.

Он хотел завизжать, и тогда я пнул его. Лицо лейтенанта исказила гримаса ужаса. Я стоял над ним со сжатыми кулаками. И он позабыл обо всем и даже про пистолет в выдвижном ящике стола.

– Я ухожу, – сказал я.

– Ты, вонючая...

– Ты можешь послать за мной одного из твоих ребят, если, конечно, не боишься ходить по темным улицам ночью...

– После этого ты не уйдешь отсюда, – проскрипел он, – Ты не знаешь...

– Нападение и избиение, сопротивление при аресте... Что еще? Я продумываю нужные выражения, пока ты собираешься с духом.

– Ты угрожаешь мне, Кеннон?

Я стоял над ним, и выражение моих глаз сказало ему, что я не шучу.

– Да, лейтенант, я угрожаю тебе. Мое предложение: забудь обо всем. Даже о том, что я был здесь.

Он встал и хотел что-то сказать, когда дверь открылась. Здоровенный коп Джим посмотрел на лейтенанта и на меня.

– Все в порядке, сэр? – спросил он.

Геннисон замялся на секунду, его глаза встретились с моими.

– Да, – проговорил он. – Проклятое кресло упало. Он провел рукой по лысине и добавил: – Проводи мистера Кеннона к выходу. Он уходит.

Я сделал вид, что улыбаюсь. Следователь – лейтенант Геннисон придвинул кресло и сел, делая вид, что погрузился в донесения, разложенные на столе.

Джим закрыл дверь. И я спросил его:

– Вы действительно получили жалобу?

– Конечно. Неужели ты думаешь, что у нас нет занятий получше, чем возиться с такой обезьяной, как ты?

Ничего не ответив, я прошел прямо к двери, спустился по ступенькам и оказался на улице.

Сумерки затянули горизонт, а затем их место заняла ночь, вспрыгнувшая на небо, словно черная пантера. Звезды назойливо прижали свои белые носы к черному оконному стеклу темноты, а луна сияла, словно старческая лысина.

Неоновые вывески пронзали темноту мертвенно-красными и зелеными, оранжевыми, голубыми огнями, наряжая весну в ее вечернее платье. В воздухе еще веял теплый ветерок, и я слышал, как из «Росин-

ки» доносится тенор саксофона, выделявавший что-то сумасшедшее с мелодией «Как высоко до луны».

Было десять часов.

Я быстро шел по кварталу, как идет молодая девушка, спешащая на встречу с возлюбленным. Стук моих каблучков по асфальту эхом отражался от стоящих в темноте зданий вдоль улицы. Я свернул налево на Бурк-авеню и поднялся к надземке, шагая по лестнице через две ступеньки, подошел к разменной кассе.

– Во сколько приходит следующий поезд в город? – спросил я служителя.

Он взглянул на часы:

– В десять часов девять минут.

– Спасибо, – сказал я, собрал свою сдачу и прошел через турникет. Часы на стене показывали десять часов шесть минут.

Я поднялся по ступенькам на ту сторону, где оставался поезд в Даунтаун. Через несколько минут ожидания на платформе я увидел даунтаунский экспресс. Двери плавно отворились, и я вошел в вагон, озираясь, чтобы сразу же найти кондуктора... Я нашел его в одном из средних вагонов читающим утреннюю газету. Я сел напротив него, он искоса взглянул на меня и вернулся к своему чтению.

– Скажите, вы только один кондуктор на этом поезде? – спросил я.

Он удивленно посмотрел на меня:

– Да, а в чем дело?

– И давно вы в ночных сменах?

– С прошлого месяца, а что такое?

Поезд подошел к станции Аллертон-авеню, и он нажал на кнопку, которая открывает двери. Ожидая, пока пассажиры выйдут и войдут, он стоял в проходе между вагонами, а затем вернулся на свое место.

– В чем дело? – сразу же спросил он.

Я выудил фотографию из кармана пиджака.

– Знаете эту девушку?

Он с любопытством посмотрел на фотографию, а затем на меня так, словно я был психом.

– Не могу сказать, что видел.

– Посмотрите внимательнее, – попросил я. – Чертовски внимательно. Она садилась на Бурк-авеню два или три раза в неделю. Всегда на этот поезд. Посмотрите же на это чертово фото.

Он некоторое время внимательно разглядывал фотографию, а тем временем поезд подошел к следующей станции. Он все еще не промолвил ни слова, когда мы прибыли на Пелхам-парквей, и он опять нажал на свою кнопку. Мы снова тронулись, а он продолжал изучать фотографию.

– Мы доедем до Гранд-централ, пока вы соберетесь с мыслями.

– Мои мысли всегда при мне. Я никогда прежде ее не видел. – Он промолчал. – Зачем вам это надо?

– Посмотрите на нее еще раз, – приставал я к нему, чуть не хватая за горло. – Она была счастливой девочкой. Всегда улыбалась. Черт возьми, мистер, вспомните.

– Тут нечего вспоминать. Я никогда не видел ее прежде.

Я хлопнул фотографией по своей ладони:

– Боже, кто еще работает на этом поезде?

– Только я и водитель, это все.

– А где сидит водитель? В первом вагоне?

– Послушайте, нельзя отвлекать его этим...

– Откройте вашу дверь, мистер. Здесь, на Бронкс Парк Ист.

Он попытался сказать что-то, когда заметил, что поезд уже подошел к станции. Я оставил его стоять между двух вагонов и побежал к голове поезда. Хватаясь за соломинку, я был почти вне себя, но хоть кто-то должен вспомнить ее. Поезд уже трогался, когда я добрался до маленькой кабинки водителя и открыл дверь.

Он был маленьким человечком в очках и он чуть не вывалился из окна, когда я сунул ему под нос фотографию.

– Знаете эту девушку?

– Что?

– Посмотрите на фотографию. Знаете вы эту девушку? Вы когда-нибудь прежде видели, как она садится в поезд?

– Эй, – заметил он, – вам не разрешается быть здесь.

– Заткнись и посмотри на фото.

Он быстро взглянул и тут же перевел взгляд на дорогу:

– Нет, я не знаю ее.

– Вы никогда...

– Я слежу за дорогой, – сказал он ворчливо, – а не за тем, кто входит и выходит.

Не дослушав его монолога, я закрыл дверь и опять двинулся в конец поезда. Мне кажется, я был готов колотить старикашку-кондуктора о металлический пол башкой, пока он не вспомнит Бетти. Когда я подошел к нему, он закричал:

– Убирайся из этого поезда. Убирайся или на следующей станции я позову на помощь.

Я понял, надежды на то, что он когда-нибудь вспомнит – нет, и когда поезд подошел к остановке, вышел, сопровождаемый выкриками кондуктора. Я прошел под платформой и вышел на ту сторону, что вела в Аптаун, и там стал дожидаться поезда, идущего обратно на Бурк-авеню.

На стоянке такси оказались сразу три машины. Каждому из трех водителей я показал фотографию Бетти. Никто не узнал ее.

Это походило на игру в «Кольцо, кольцо, выйди на крыльцо», – и я словно пытался схватить дешевое ла-

тунное колечко и постоянно ошибался. Оставался еще один человек, которого я хотел видеть опять. Она дала мне почти все, что я знал о Бетти Ричарде, и я решил, что смогу получить еще что-нибудь, если постараюсь.

По моим расчетам, она должна сейчас работать в «Росинке», и я был счастлив, войдя, увидеть ее за стойкой. Музыкальный автомат извергал рок-н-ролл, помещение было плотно набито подростками, девушками и ребятами. Я подошел к Донне и предложил:

– Потанцуем.

Она посмотрела на меня и одарила улыбкой:

– Ты так и не побрился, не так ли?

– Нет, так и не побрился.

Улыбка стала шире:

– У тебя найдется минутка?

– Сколько угодно.

– У меня как раз сейчас время перекура. Подожди меня снаружи, хорошо?

Она подошла к владельцу кафе, парню с усиками. Он, казалось, не был счастлив оттого, что она оставляет его одного с танцующими подростками. Сквозь витринное стекло я видел, как он скорчил кислую мину. А затем, как и большинство хозяев, позволил ей идти, куда она захочет. Донна закурила сигарету, как только вышла из двери и позвала: «Эй!»

– Я рада, что ты пришел, Курт, – сказала она. – Эти ребяташки уже сидят у меня в печенках.

В темноте не было видно, как я заморгал глазами:

– Я пришел к тебе, чтобы задать кучу вопросов, – пояснил я.

– Мне нет дела до того, зачем ты пришел. Ты здесь, и это все, что идет в счет.

Мы замолчали, пока она не нарушила паузу:

– Ты хоть немного приблизился к нему?

– По правде сказать, нет, – ответил я. – Я хочу расспросить тебя о нем побольше. Она говорила когда-нибудь...

– Никогда, Курт. Она говорила о нем, как... ну ты сам знаешь, какие они, дети. Так, словно он король или что-нибудь в этом роде.

Больше о Фредди она ничего не знала. Ничего.

На этом след обрывался. Занавес. Фредди был всего лишь туманной фигурой с пятном вместо лица и руками душителя. И больше ничего. Я был готов отказаться от поисков.

– Я подошла к ней, потому что она выглядела одинокой в первый вечер, когда появилась здесь. Мы поболтали, а в конце вечера обменялись телефонами. Никогда их не использовали, но...

– У тебя осталась записка с номером?

– Кажется, осталась. Думаю, что да. Где-то у меня в кошельке. Она записала на салфетке.

– Дай-ка мне ее, – попросил я. Это был трусливый способ бегства. Я позвоню Руди и откажусь от своих

обязательств по телефону. Скажу ему, что я сделал все что мог, но я устал и разбит, и пусть полиция занимается этим делом.

Донна вздохнула:

– Сейчас? Я думала, мы могли бы...

– Сейчас, – сказал я.

– Я мигом обратно.

Она вошла в прямоугольник света, падавшего из открытой двери кафе, и скрылась внутри. Донна вернулась через несколько минут с кошельком и салфеткой.

– Вот она. Ты ведь не уходишь, не так ли?

– Мне надо позвонить.

– Это становится привычкой, я знаю, но возвращайся, Курт. На этот раз я имею в виду именно это. Пожалуйста, возвращайся.

– А в последний раз ты не это имела в виду?

Она пожала плечами и грустно улыбнулась.

– Ты знаешь, как это бывает. Возвращайся ко мне, Курт! Возвращайся.

Она осталась стоять в янтарном прямоугольнике света, а я направился к ближайшей лавочке и вошел в телефонную будку. Глянув на ряд цифр, написанных на салфетке шариковой ручкой, я начал набирать номер. Набрав до половины, я сообразил, что Руди не должен быть дома – он уходит на работу в половине пятого и заканчивает в полночь. И все же я закончил набирать цифры, нацарапанные на салфетке.

И тут меня разом осенило, и я быстро повесил трубку.

* * *

Я ждал Фредди.

В половине второго утра. И улицы оставались пустынными. Весна обернулась холодным туманом, который окутывал свет фонарей и клубился под ногами зыбкими призраками.

Я ждал, когда он завернет за угол большого здания. Я слышал звук его шагов по тротуару. Туман установил меж нами неясный барьер, и он не видел меня до тех пор, пока почти не столкнулся со мной.

– Привет, Фредди, – сказал я.

– Ч-ч-ч-то? – вскрикнул он, отступил на несколько шагов, и его рука поднялась ко рту. Затем он узнал меня, замигал и спросил:

– Курт, что ты делаешь здесь в это время?

– Жду. Жду тебя.

– Курт...

– Ты сукин сын, Руди!

– Курт...

– Она выглядела точно так же, как твоя жена в этом возрасте, не так ли, Руди? Не это ли ты говорил мне?

– Курт, ты все неправильно понял.

– Я все понял правильно, Руди. Почему ты не оставил ее в покое? Почему ты не оставил ее в покое, ублюдок?

– Курт, выслушай меня...

– Зачем ты нанял меня? Ты знал, что я опустившийся неудачник. Твоя жена требовала, чтобы ты нанял детектива. И ты решил, что пьяница Курт Кеннон, который не сможет найти выход даже из платного туалета, – самая подходящая для тебя кандидатура, да?

– Нет, Курт, я пришел к тебе, потому что...

– Заткнись, Руди! Закрой свой грязный рот, пока я не заткнул его. Ты не должен был убивать ее.

И тогда он сломался. Он отшатнулся к стене, и лицо его перекосилось. Он поднял дрожащую руку ко рту. Его зубы стучали.

– Что случилось? – спросил я. – Она собиралась в конце концов все рассказать? Она хотела открыть, кто ее загадочный возлюбленный? Так?

Руди кивнул с закрытыми глазами.

– И поэтому ты убил ее. Задушил, затем отвез на машине в Йонкерс и там бросил.

– Перестань, Курт. Перестань, пожалуйста.

– Я никогда бы не нашел Фредди, Руди. Никогда. Но подруга Бетти дала мне нечто, написанное ее почерком, и я вспомнил, как недавно ты показывал что-то похожее. Адрес «Росинки», написанный той же рукой. Еще тогда я мельком удивился, зачем Бетти дала тебе

адрес, а затем подумал о времени твоей работы и о времени, когда она уходила из кафе. И тогда я сообразил, почему семнадцатилетняя девушка так старательно скрывала имя своего дружка. Зачем она дала тебе адрес, Руди? Зачем?

– Она... она хотела, чтобы я... заехал за ней туда... Это было после того, как все началось... после первого раза... после первого раза, когда мы узнали, что любим. Я сказал ей, что это опасно, но она дала мне адрес, и мы попробовали там... несколько раз. Затем я сказал ей, чтобы она встречала меня здесь, возле склада. Мы обычно входили внутрь... Курт, не смотри на меня так. Я любил ее, Курт.

– Конечно, ты так любил ее, что убил. И ты так любил ее, что нанял пропойцу, чтобы отыскать Фредди. Фредди – хорошая подпольная кличка для того случая, когда девочке захочется поговорить о своем дружке.

Я ударил себя по губам:

– Это ты натравил на меня копов? Я испугал тебя, когда спросил о Фредди?

– Я... я позвонил копам и сказал, что ты работаешь нелегально.

– Напрасно ты сделал это, Руди.

– Как я расскажу об этом жене? – воскликнул он. – Что мне делать, Курт? Бетти готова была во всем ей признаться. Курт, Курт, я... своими руками... Я сделал это, не думая. Она... Я только... – Он остановился, го-

лос его пресекся, и он вдруг заплакал.

Туман клубился вокруг нас.

– Что я скажу Маделайн? Что я могу ей сказать?

– Это твоя жена, – ответил я.

Он сжал мои руки.

– Скажи ей ты, Курт, – попросил он. Слезы катились по его лицу, и он повторял «пожалуйста» до тех пор, пока я не оттолкнул его.

– Конечно, – сказал я. – Конечно.

Я доставил Руди к следователю-лейтенанту Генни-сону и тут же ушел. Затем купил кварту вина и выпил не один стакан, прежде чем собрал достаточно сил, чтобы позвонить Маделайн и рассказать ей все о ее муже.

Это было тяжело.

А затем я вернулся домой, и плач Маделайн стоял в моих ушах до тех пор, пока я не напился и не уснул.